

Самые небольшие по объему и частные по содержанию мемуары порой содержат весьма ценные сведения. Несколько страниц воспоминаний Н. А. Качалова, рассказавшего о своем детстве, предварены вводным абзацем, где объясняется причина обращения его к мемуаротворчеству после выхода в отставку, и здесь же объяснена причина отставки: расхождение во взглядах с министром финансов Н. Х. Бунге на «управление таможенной частью», сразу же наталкивающая исследователя на одну из коренных проблем экономической политики. Формулярный список и другие официальные документы, отражающие факт выхода Качалова в отставку, не объясняют так недвусмысленно ее причину.

Это всего лишь несколько примеров, которыми мы вынуждены ограничиться и которые могут быть бесконечными или весьма многочисленными даже на материалах какого-либо одного мемуарного источника. Множественность исследовательского подхода к русской истории второй половины XIX в. позволяет и позволит все разностороннее использовать данные этих источников. Сейчас их использование наталкивается на очень слабую в целом изученность этой группы источников. Ведь только воспоминаниям С. Ю. Витте посвящены специальные работы, лишь небольшое число мемуаров, преимущественно изданных (или переизданных) в советское время, имеют вводные статьи публикаторов, где поднимаются источниковедческие проблемы. Нужно же специальное изучение буквально каждого из этих источников, которое только и позволит оценить значение каждого из них.

В. В. ЛАНИН

МЕМУАРЫ АДМИРАЛА И. А. ШЕСТАКОВА

Судьба мемуаров морского министра И. А. Шестакова является примером того, как заслуживающий внимания источник в силу своей неизученности не вводится в научный оборот и многие ценные сведения, содержащиеся в нем, не попадают в поле зрения историков. Если значение дневников И. А. Шестакова для изучения внутренней политики России второй половины XIX в. отмечалось такими исследователями, как П. А. Зайончковский и Ю. Б. Соловьев,¹ то обширные мемуары морского министра за 1830—1881 гг. используются мало:² были опубликованы в уре-

¹ Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970, с. 11; Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973, с. 79.

² Из современных исследователей, пожалуй, лишь В. Г. Чернуха использовала в своей монографии «Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х годов XIX века» (Л., 1978) отдельные сведения из воспоминаний.

занном цензурой виде воспоминания об учебе в Морском кадетском корпусе,³ а также два небольших отрывка о боевых действиях на Кавказском побережье в 40-х гг. прошлого века.⁴

Цель настоящей статьи — обратить внимание исследователей истории России второй половины XIX в. на эти мемуары и дать хотя бы их краткую характеристику.

«Полвека обыкновенной жизни» — так называл Шестаков свои воспоминания, но это только литературный прием: уже при беглом ознакомлении с биографией Шестакова (1820—1888) можно понять, что предстоит встреча с воспоминаниями о далеко не обыкновенной жизни. Прежде чем стать управляющим Морским министерством (1882—1888), автор был офицером Черноморского флота (1836—1851), адъютантом М. П. Лазарева (1849—1851), командировался в Англию (1851—1854) и США (1856—1859) для наблюдения за постройкой заказанных там кораблей, командовал Средиземноморской эскадрой (1860—1862), во время военной тревоги 1863 г. в должности помощника Главного командира Кронштадтского порта много усилий приложил к приведению флота и крепости в боевую готовность и одновременно руководил подготовкой эскадры Лесовского, направлявшейся к берегам США для демонстрации против англичан. Шестаков был адъютантом генерал-адмирала вел. кн. Константина Николаевича (1854—1869), начальником Кораблестроительного департамента Технического комитета Морского министерства (1881—1882), морским агентом в странах южной Европы — в Италии, Испании, Португалии и Австро-Венгрии (1873—1881). С 1869 по 1873 г. был в отставке и жил за границей.⁵

Шестаков много сделал для укрепления русского флота. Под его руководством была разработана и принята судостроительная программа 1881 г., реформирован аппарат Морского ведомства. Заметный след в истории флота оставил ценз, введенный Шестаковым в 1885 г. Согласно положению о морском цензе, для производства в следующий чин обер-офицеры должны были провести в плавании определенное число месяцев, а штаб-офицеры и контр-адмиралы соответственно командовать кораблями и эскадрами. Это позволило уволить большое число офицеров, которые много лет не плавали и чрезвычайно обременяли бюджет Морского ведомства. В то же время некоторые современники адмирала, а также морские офицеры, выяснявшие причины разгрома флота в русско-японской войне, указывали на пагубность цензовой системы для воспитания офицеров.⁶

³ Русский архив, 1873, кн. 1, с. 106.

⁴ Лазарев М. П. Документы. т. 2. М., 1955, с. 366—369.

⁵ Общий морской список, ч. XII. СПб., 1912, с. 192—194.

⁶ ЦГАВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 5784, Записка капитана 1-го ранга И. П. Энгельмана и других о методах воспитания личного состава иностранных флотов, 1905, с. 1; ф. 417, оп. 2, д. 2427, Отдельное мнение лейтенанта Щеглова о морском цензе. л. 34—36; Де пор виль П. Из воспоминаний старого моряка. — Море, 1906, № 33/34, с. 1177.

За границей Шестаков приобрел обширные знания в области современного ему вооружения и т. д. Он сам спроектировал паровой фрегат «Генерал-адмирал» и руководил его постройкой в Бостоне. Его агентские донесения признаны образцовыми, так как он всегда сопровождал рапорт собственными наблюдениями, обстоятельным и критическим анализом, весьма смелыми прогнозами.⁷ Именно Шестаков добился закупки торпед в Италии, несмотря на противодействие многих лиц в министерстве. Благодаря его дальновидности и настойчивости русский военно-морской флот одним из первых освоил этот новый вид оружия на море и с успехом применял его во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг.⁸ До последних дней жизни адмирал интересовался новинками техники, поощрял отечественных конструкторов.⁹

Во время управления Морским министерством Шестаков часто совершал инспекторские поездки по всем военным портам России.

Высокую оценку автору мемуаров «Полвека обыкновенной жизни» дает в своем дневнике государственный секретарь А. А. Половцов, как известно, не особенно щедрый на похвалы: «Морской министр Шестаков что ни скажет — рублем подарит. Прямая честная душа, ясный ум, мужество характера — вот отличительные черты этого замечательного человека, которому желаю возможно широкого участия в делах отечества».¹⁰ Здесь, правда, следует учитывать определенную близость взглядов Шестакова и Половцова на некоторые проблемы государственного управления, например решительную поддержку Шестаковым идеи отмены чипов, а также их общую неприязнь к К. П. Победоносцеву и Д. А. Толстому.

Не отказывая Шестакову в уме и образованности, современники неоднократно отмечали его тяжелый характер: вспыльчивость, грубость, нетерпимость к мнениям других; его многочисленные записки по поводу улучшения тех или иных отраслей военно-морской администрации выставляли страстью к интригам.¹¹

Шестаков был образованным человеком. Еще в Морском кадетском корпусе он выделялся стремлением выйти за рамки учебной программы, чем и обратил на себя внимание кн. А. С. Меишикова, тогдашнего начальника Главного морского штаба, и директора корпуса И. Ф. Крузенштерна.

Автор воспоминаний всегда интересовался историей. В годы службы на Черноморском флоте он перевел на русский язык со-

⁷ Исаков И. С. Адмирал Шестаков и его воспоминания. — ОРГК ГПБ. ф. 856, д. 16, л. 23.

⁸ Там же, л. 26.

⁹ См.: Крылов А. Н. Мои воспоминания. М.—Л., 1946, с. 111.

¹⁰ Дневник государственного секретаря А. А. Половцова, т. 1. М., 1966, с. 79.

¹¹ Депорвилль П. Орывки из воспоминаний старого моряка. — Море, 1906, № 7/8, с. 271—272; Мамантов Н. Н. При шести министрах. — Вестник Общества ревнителей истории, СПб., 1916, в. 3, с. 90—96; Ковалевский Н. М. Власть предрешающие. В главном адмиралтействе. — Русская старина, 1909, № 1, с. 78.

чинение Д. Джемса «История Великобританского флота от времен Французской революции до Наваринского сражения», которое было издано в шести томах в 1845 г. в Николаеве.¹²

Шестаков известен и своей публицистической деятельностью. За его подписью в журнале «Морской сборник» в 1840—1865 гг. было опубликовано 25 заметок, корреспонденций и статей, одна из которых была даже удостоена похвалы некрасовского «Современника».¹³ В статье о В. А. Корнилове Шестаков указал на пагубность «чехарды» начальников для дела воссоздания русского флота. Его «Старые мысли на новое дело» были изложением основных принципов «лазаревской школы», конспектом программы воссоздания морских сил России.¹⁴

После смерти морского министра в ноябре 1888 г. его бумаги были переданы для разбора государственному секретарю А. А. Половцову. Тот обнаружил среди бумаг семь тетрадей мемуаров и семь записных книжек с подневными записями. Половцов ознакомился с ними и нашел интересными. «Наслаждаюсь чтением записок Шестакова», — отметил он в своем дневнике 13 декабря 1888 г.¹⁵ От Половцова, если верить А. В. Богданович, петербургское общество и узнало о существовании дневников, в которых будто бы были обнаружены еще и письма К. П. Победоносцева, а в них обер-прокурор Синода писал о тупости Александра III и восхвалял покойного наследника Николая Александровича.¹⁶

В докладе адмирала Н. М. Чихачева «О помещении дневников и воспоминаний адмирала Шестакова в библиотеку», представленном Александру III 30 декабря 1888 г., говорилось о переданном второй женой покойного адмирала пожелании И. А. Шестакова не публиковать его мемуары в течение 50 лет.¹⁷ К тому же за сокрытие дневников выступили великие князья Алексей Александрович и Владимир Александрович, нашедшие содержание записок Шестакова скандальным.¹⁸ Царь, естественно, не мог допустить, чтобы увидели свет записки его министра, в которых многие государственные деятели и сам он были выставлены в весьма невыгодном свете. По распоряжению Александра III рукописи были опечатаны в дубовом ларце и пролежали без использования в Публичной библиотеке до 1912 г. В 1912 г. с них были сняты копии по приказу Морского Генерального штаба для изучения вопроса о создании военно-морской базы в Моонзунде (Шестаков был сторонником создания там базы и в дневниках обосновывал свои взгляды на этот предмет). Снятие копий проис-

¹² Русский биографический словарь, т. 24. СПб., 1911, с. 234—238.

¹³ Там же, с. 235.

¹⁴ Шестаков И. А. Старые мысли на новое дело. — Морской сборник, 1858, № 1, неоф. отд., с. 1—33.

¹⁵ Дневник А. А. Половцова, т. 2. М., 1966, с. 127.

¹⁶ Богданович А. В. Три последних самодержца. М.—Л., 1926, с. 93.

¹⁷ ЦГАВМФ, ф. 410, оп. 3, д. 1147, л. 6—7.

¹⁸ Дневник А. А. Половцова, т. 2, с. 142—143.

ходило в обстановке большой секретности, даже в Морском Генеральном штабе об этом знал очень узкий круг лиц, поэтому дневники не стали доступны историкам в те годы, и прошло еще четверть века, пока в 1938 г. не начали составлять по поручению Военмориздата обзор рукописных материалов по истории революционного движения в царском флоте, и бумаги Шестакова попали в руки историков. После Великой Отечественной войны предполагалось издать воспоминания и дневники Шестакова в четырех томах под общей редакцией адмирала И. С. Исакова, который написал предисловие ко всему изданию. Ценность предисловия состоит прежде всего в том, что оно содержит подробную характеристику Шестакова как морского деятеля. Это предисловие соответствовало общим задачам четырехтомного издания воспоминаний как источника по истории военно-морского флота. В него не вошла бы добрая половина мемуарного наследия — все, что относилось к гражданской службе Шестакова, а также были бы опущены, по определению Исакова, «дилетантские рассуждения» об искусстве, политике, истории и т. д.¹⁹

В 1946 г. в «Морском сборнике» появилась небольшая заметка А. Н. Михайловой, где сообщалось о подготовке к публикации рукописей бывшего морского министра.²⁰

Оригинал воспоминаний под названием «Полвека обыкновенной жизни» представляет собой семь переписанных набело рукой автора тетрадей, в каждой из которых содержится одна часть, разбитая на несколько глав. Первые шесть частей имеют законченный вид, повествуют о жизни автора и о событиях, свидетелем которых он являлся с начала 20-х по 1880 г. Седьмая часть представлена одной главой, посвященной 1881 г. Общий объем записок 2860 страниц рукописного текста in folio. Дневники Шестакова за 1882—1888 гг. являются как бы хронологическим продолжением мемуаров.

Шестаков очень дорожил своими воспоминаниями и предназначал их для печати. Вот что написал в его духовном завещании, составленном в июле 1883 г.: «Записки мои, посвященные памяти первой жены моей, передать в Императорскую публичную библиотеку с тем, чтобы издать по смерти моей вполне или в сокращениях. Своевременность и выполнение требований приличия относительно упомянутых в записках лиц зависит совершенно от управляющего библиотекой. Вырученные деньги прошу употребить на стипендии имени жены Надежды Алексеевны Шестаковой».²¹

Мемуары писались на основе дневников, которые Шестаков вел с середины 30-х гг., о чем свидетельствуют сам автор и наличие массы мелких подробностей, которые невозможно долго дер-

¹⁹ Исаков И. С. Адмирал Шестаков..., л. 20.

²⁰ Михайлова А. Н. И. А. Шестаков и его мемуары. — Морской сборник, 1946, № 2, с. 109—111.

²¹ ЦГИА СССР, ф. 725, оп. 1, д. 10, Духовное завещание И. А. Шестакова, л. 20.

жать в памяти. Во многих случаях из текста можно выделить фрагменты, представляющие собой почти не обработанные дневниковые записи, а в ряде мест автор прямо приводит выдержки из дневника. Записные книжки морского министра за 1882—1888 гг. дают некоторое представление о характере материала, из которого он выбирал сведения для мемуаров: их мозаичный характер объясняется тем, что дневник велся регулярно и важные события в нем перемешались с мелочами жизни.

Шестаков старался описывать в мемуарах события такими, какими он их видел много лет назад: «Желая, чтобы в записках моих могли заметить мои постоянные превращения, я ввожу в них всё или почти всё в таком виде, в каком представлялось оно мне при своевременной наблюдательности и тогда же заносилось на листки впечатлений».²² К сожалению, эти «листки впечатлений», т. е. дневники 40—70-х гг., не сохранились, и судьба их неизвестна.

Каждая часть охватывает определенный этап в жизни автора и предваряется эпиграфом и посвящением, которые выражали ее направленность. Например, посвящение второй части, описывающей заграничное путешествие Шестакова и порядки николаевской России, гласит: «Мудрым иноземцам и умудряющимся соотечественникам».²³

В начале каждой главы автор дает краткое содержание, из которого можно даже в какой-то мере определить отношение автора к описываемым событиям или людям. Например, в этом своеобразном указателе к главе IX четвертой части говорится о событиях 1865 г.: «Участие общего мнения в государственных делах. Катков и его исключительное положение в печати. Примирившийся с в. к. Константином Валув выпускает на Каткова когти по поводу остзейского вопроса. Псевдолиберализм правительства. Адрес московского дворянства. „Весть“ громко выступает на поприще известности. Ответ на адрес. Рескрипт Валуеву. Правительство бессознательно исправляет промахи дворянства. Вопрос кончается сонетами. Цензурный вопрос. Валуев отбрасывает мнения невлиятельных способностей и принимает мысли влиятельных бездарностей. Химическое разложение идеи Корфа в департаменте закопов. Нарушение канцелярской тайны в Совете. Изменения в цензурном уставе. Ломоносовский юбилей».²⁴

Работа над мемуарами была тесно связана с жизненными коллизиями автора. За свою жизнь Шестаков трижды изгонялся со службы из-за конфликтов с начальством, и за ним укрепилась репутация неуживчивого человека, о чем свидетельствует в своем дневнике государственный секретарь Е. А. Перетц.²⁵

²² Шестаков И. А. Полвека обыкновенной жизни, ч. 1. — ОРГРК ГПБ, ф. 856, д. 1, с. 89.

²³ Там же, с. 3.

²⁴ Там же, ч. 4, с. 156 об.

²⁵ Перетц Е. А. Дневник. М.—Л., 1927, с. 115.

Самым сокрушительным было удаление с поста Виленского губернатора в результате столкновения с генерал-губернатором Северо-Западного края А. Л. Потаповым. Шестаков был исключен из свиты и даже обвинен в продаже евреям-старьевщикам генерал-адъютантских регалий. Этим событиям в мемуарах уделено очень много внимания. Можно даже предположить, что написание своего рода объяснительной записки о борьбе Шестакова с Потаповым и послужило началом создания воспоминаний. Это довольно пространное сочинение (94 страницы рукописного текста) содержит переписку с Потаповым, который, по мнению Шестакова, произвольно толковал некоторые важные законы и подменял их своими распоряжениями. Отношения обострились в связи с полицейскими приемами Потапова. Шестакова обвинили в доносе на генерал-губернатора, против него выступили шеф жандармов П. А. Шувалов и министр внутренних дел А. Е. Тимашев, и беспокойный контр-адмирал был уволен в отставку. Записка помечена 26 ноября 1869 г., т. е. была написана сразу после увольнения. Она составлена в довольно умеренных выражениях и содержит обвинения только в адрес Потапова. К ней приложено несколько официальных писем и циркуляров, которые должны были подкрепить соображения автора.²⁶

Оказавшись не у дел, опальный адмирал приступил к работе над воспоминаниями и в 1873 г. закончил первые пять частей.

В первой из них читатель знакомится с жизнью автора и событиями, свидетелем которых он был в 1820—1851 гг., его детством в поместье отца (с. Смилово Красненского уезда Смоленской губернии), годами учения в Морском кадетском корпусе, службой в Черноморском флоте в «эпоху Лазарева». Здесь интересны описания боевых действий на Кавказском побережье, крейсерство в Черном и Средиземном морях (1836—1851). Обращают на себя внимание настойчивые упоминания Шестакова о том, что он всегда стремился к службе на кораблях, а не в канцеляриях. В этой же части рассказывается о столкновениях с английскими кораблями на Балтике летом 1808 г., сведения об этом автор почерпнул из дневника своего отца — отставного морского офицера — непосредственного участника событий.

Вторая часть отведена событиям 1851—1856 гг. Это путешествие по Европе, пребывание в Англии, Крымская война, борьба с англо-французской эскадрой на Балтике.

В этих двух частях заметно желание автора показать свои заслуги перед русским флотом, при этом он называет флотилию паровых канонерских лодок, построенных под его руководством, главной силой, остановившей корабли союзников, которые угрожали Петербургу.

В третью часть мемуаров в виде глав включены шесть статей

²⁶ ЦГАВМФ, ф. 26, оп. 1, д. 26, «Губернаторство в Вильно. Эпизод из истории Северо-Западного края (1868—1869)».

Шестакова, напечатанные им в «Морском сборнике» в 1858—1861 гг. Вырезки из соответствующих номеров журнала наклеены на листы тетради и предваряются объяснением автора, почему они включены в воспоминания.

Четвертая часть по тематике распадается на два раздела: о внутренних делах 1859—1865 гг. и о крейсерстве в Средиземном море в 1860—1862 гг. Главы VII—X касаются в основном внутренних вопросов, так как в это время зачисленный в свиту Шестаков имел возможность общаться с высокопоставленными чиновниками.

Пятая часть начинается описанием путешествия по Европе, впечатлениями о политической жизни Франции в начале 60-х гг. XIX в. Главы VII и VIII, посвященные службе в Вильно, созданы на основе упоминавшейся уже записки «Губернаторство в Вильно». Шестаков теперь пространнее описал события в Виленской губернии в 1868—1869 гг., не стесняясь делать резкие выпады в адрес А. П. Потапова, А. Е. Тимашева, П. А. Шувалова и всей административной системы царской России. Эти главы содержат подробное, хотя и тенденциозное, описание состояния Северо-Западного края.

Три главы пятой части посвящены тому времени, когда автор воспоминаний был градоначальником в Таганроге. Главной задачей этих фрагментов было, очевидно, показать, что автор до своего злополучного губернаторства в Вильно уже имел опыт работы в гражданской администрации и сделал очень много для развития Приазовья. Последнее нельзя назвать необоснованным. Шестакову как градоначальнику дана очень высокая оценка в книге «История Таганрога», где он противопоставляется большинству других «отцов города», образы которых невольно заставляют вспомнить градоначальников города Глухова. Пятая часть очень интересна описанием изготовления отчета градоначальника, городской росписи, условий работы местной администрации в пореформенные годы. Вообще эта часть воспоминаний написана с заметным желанием автора как можно точнее, даже скрупулезно довести до читателей события, предшествовавшие его падению. Шестаков неоднократно вставляет в текст большие фрагменты из служебных документов и даже вклеивает в тетрадь с воспоминаниями отпечатанный типографским способом «Проект устройства каботажного судоходного общества», выработанный им и направленный новороссийскому генерал-губернатору П. А. Кочеву.

В 1873 г., после окончания мемуаров, Шестаков опубликовал в «Русском архиве», редактором которого был тогда П. Бартнев, в сокращенном виде одну главу первой части. Шестаков уверял, что он старался поправить свое материальное положение предполагаемыми доходами от публикации, чему, конечно, трудно верить, принимая во внимание ничтожность гонорара. Возможно, это была попытка шантажировать некоторых лиц в Адмиралтействе, от которых зависела судьба изгнанника. В том же 1873 г.

Шестакову последовало приглашение вернуться на службу, и, по уверениям адмирала, с большим трудом публикация была прекращена, так как издание записок, критикующих многих лиц в Морском министерстве, в том числе генерал-адмирала вел. кн. Константина Николаевича, морского министра Н. К. Краббе и некоторых других деятелей, было, конечно, невозможно для морского офицера, находящегося на службе.

Во время пребывания на посту морского агента в южных государствах Европы Шестаков написал шестую часть мемуаров, в которой ясно видно стремление смягчить критику некоторых лиц, например того же Краббе. Шестаков наполнил эту часть сообщениями о многочисленных встречах с коронованными особами, видными государственными деятелями Европы, желая, очевидно, подчеркнуть свое высокое положение в эти годы. Именно эту часть он дал прочесть М. А. Корфу, с которым подружился во время жизни в Италии (1874 г.), а также познакомил с ее содержанием «некоторых доверенных людей». Эта часть имеет обширную портретную «галерею». Ни одно более или менее значительное событие в России и за ее пределами не выпало из поля зрения Шестакова, а их описание не миновало страниц его тетрадей.

Различные подробности о ходе переговоров с Турцией в конце войны 1877/78 г., о Берлинском конгрессе, сообщенные автору, по его словам, самим Н. П. Игнатьевым, действия русских войск в Средней Азии, разного рода происшествия в дипломатических кругах Европы наполняют эту часть.

Почти каждое сообщение сопровождается рассуждениями Шестакова, иногда довольно интересными и пространными. Эта часть отличается от предыдущих менее тщательной литературной обработкой дневниковых записей и чрезвычайной пестротой содержания глав. Вот что читатель находит в главе VIII: «1876 год. Смерть М. А. Корфа и Н. К. Краббе. Еще ницкий православный приход. Новые выборы во Франции и различные политические партии. Разрешение минного вопроса. Венгры и славяне. Слухи об отречении государя. Смерть Ю. Ф. Самарина и замечательное сочувствие мыслящей России. Герцеговинский вопрос. Горчаков знаменует свое двадцатилетие управления устранением войны между Портой и Черногорией. Увеличение нашей эскадры в Средиземном море. Берлинский меморандум. Убийство консулов в Салониках. Посылка английского флота к Дарданеллам и наша немощность. Сербия и черногорцы объявляют Турции войну. Черняев, Рейхштадтское свидание. Наши волонтеры в Сербии. Болгарские ужасы и митинги в Англии. Сербия разгромлена. Наш ультиматум из Ливадии. Перемирие. Воинственные речи Дизраэли в Лондоне и царя в Москве. Военные приготовления. Мой взгляд на деятелей. Наше летнее странствование».²⁷

²⁷ Шестаков И. А. Полвека..., ч. 6, с. 144.

В этой части воспоминаний заметно критическое отношение Шестакова к Александру II, в адрес которого он бросает несколько довольно резких упреков. Так, например, он, иронизируя по поводу практики назначения министров, писал: «...приемы остались прежними, завещанными бабьими царствованиями, по не подпираемые бабьей прозорливостью и не оправдываемые жепским своенравием, с которым издавна род людской примирился».²⁸

Последняя часть мемуаров, как уже упоминалось, состоит из одной главы, время ее написания установить точно не удалось. Она скорее всего должна была служить для объяснения позиции Шестакова по отношению к вел. кн. Константину Николаевичу и начальнику Главного морского штаба А. А. Попову. Обоим дается уничтожающая характеристика.²⁹ Чувствуется желание Шестакова показать, что в начале 80-х гг. он был единственным, кто правильно понимал нужды русского флота и мог встать во главе Морского ведомства. Это видно, например, из описания заседания Адмиралтейств-совета 8 января 1882 г.: «...Казакевич, ленивый по природе, мало ознакомившийся даже с нуждами Кронштадта за десятилетнее в нем царствование. Преждевременно устаревший Гр. Бутаков, пропитанный злобой и ненавистью ко всему константиновскому и, по верному замечанию Алексея, считавший себя умнее, чем был на самом деле. Попов, скромный поневоле, обращал каждый вопрос в личный. Стеценко, непризнанный гений, постоянно твердил о том, что делается у других, не указывая, что нужно делать у нас. Перелешин все твердил о культуре и противно истории утверждал, что мы не культурны, не можем бороться с культурными соседями. Пузино замолвил только слово о невыгодности построенных за последнюю войну миноносков. Брюммер изредка, будто палил из пушки: „Ход! Главное — ход!“ Пещуров умно безмолвствовал».³⁰

Мемуары Шестакова отражают жизнь автора с самого начала его самостоятельной деятельности и до того момента, когда он достиг возможного для себя предела продвижения по служебной лестнице — поста управляющего Морским министерством. Они позволяют проследить процесс формирования личности этого незаурядного человека. То, что в основе воспоминаний дневниковые записи, наложило на их вид определенный отпечаток: Шестаков 70-х гг. при всем желании придать воспоминаниям определенную окраску не смог справиться с яркими впечатлениями молодых лет, занесенными на страницы дневника. Во время службы на Черноморском флоте у Шестакова происходило становление его независимого характера, который так часто был причиной его конфликтов с начальством. По его словам, семья флотских офицеров при Лазареве и его преемниках была не совсем обычной частью механизма николаевской Российской империи: «В госу-

²⁸ Там же, с. 212.

²⁹ Там же, с. 166—167.

³⁰ Там же, ч. 7, с. 28.

дарстве, где железная воля воплощенной необузданности гнула всех долу, растапывая в том же горниле самовластья таланты и бездарность, достоинства и посредственность, добродетели и пороки, чувства, свойственные разумному творению и чисто животные побуждения и выливалась в единую форму тупой, неодолимой никакими страданиями покорности. Восемнадцатилетнее существование в таких условиях явного общества людей исключительно служащих, сплоченного, недоступного растлевающим влияниям взаимного недоверия и сыщичьих попыток извне, составляет трудно объяснимую аномалию. Прошедшие такую школу свободой не тешатся, они с ней срастаются».³¹

Начало политического образования Шестакова было положено еще в период службы на Черноморском флоте. В записках он вспоминает свои наблюдения за царским двором во время путешествия Николая I по Средиземному морю и приводит довольно яркий пример нравов того времени. Однажды Николай Павлович до смерти напугал всех, спросив, какая будет погода и следует ли предпринять морскую прогулку. Министры метались и даже бегали к садовнику узнавать, бодро ли кричал утром петух.³² Тогда молодой лейтенант спросил себя: о чем же важном могут говорить государственные мужи своему царю, если ошибка в таком пустяковом вопросе рассматривалась ими как возможность проститься с должностью. С осуждением и болью описывает он дикую выходку Николая I, загнавшего 60-летнего капитана на саллинг (самый верх мачты линейного корабля) и продержавшего его там несколько часов только за то, что тот не расслышал команды царя. Впоследствии верноподданические чувства и монархические убеждения автора подверглись сильному испытанию во время его заграничных путешествий. «Четырехлетнее пребывание в Англии привило мне новые заманчивые воззрения и открыло новые более обширные горизонты. Я понял, что, не переставая быть моряком, можно и должно стать гражданином. В Англии началось мое политическое образование, оставившее неизгладимые следы. Последующее двухлетнее пребывание в Штатах послужило дальнейшему развитию моему, и я не мог уже смотреть совершенным невеждой на действия собственного правительства».³³

II глава второй части целиком посвящена знакомству с Лондоном, который произвел на русского моряка огромное впечатление. Его поразили вид столицы «фабрики мира», деловитость обитателей. «Не хмурились на меня казармы, не приводили в робость дворцы, не пугали планы, захватывающие дух обширностью. Время и пространство ценились дорого... Я познал силу в жизненности, труде и деятельности».³⁴ Несмотря на большую занятость специальными вопросами (наблюдение за постройкой корве-

³¹ Там же, ч. 1, с. 72.

³² Там же, с. 101.

³³ ЦГАВМФ, ф. 26, оп. 1, д. 16; Шестаков И. А. Полвека..., ч. 2, с. 187.

³⁴ Шестаков И. А. Полвека..., с. 28.

тов для Черноморского флота, изучение современного кораблестроения и металлообработки), Шестаков стремился увидеть как можно больше, как можно глубже понять этот удивительный для него мир. Он посещал клубы, музеи, заседания парламента, приюты, больницы, канцелярии, королевский дворец, библиотеки, места развлечения лондонцев и т. д., и это не было простым любопытством путешественника. Русский был заражен политической активностью англичан: «Как бы не выделялась специальность из всего, что удовлетворяет человека, совершенное безучастие в общем движении немисливо, в особенности в обществе, возбужденном свободой до чрезвычайной чувствительности ко всему совершающемуся в пределах его деятельности».³⁵ В более поздние годы Шестаков, вспоминая о своих путешествиях, писал, что главная их цель — «выбить мысли из привычной колеи», куда их заталкивает повседневность. В этом смысле пребывание в Англии выбило мысли автора воспоминаний на всю жизнь из привычной для россиянина колеи.

Время пребывания в Англии — это не только время переворота в мировоззрении молодого моряка, но и период значительного расширения его кругозора. В «мастерской мира» Шестаков ознакомился с рабочим вопросом. Пролетариат Англии, его положение и политическая активность вызвали значительный интерес у русского офицера. Он видел неизбежность увеличения общественного веса рабочих в связи с увеличением их численности, организованности и сознательности, вспоминая, что в средние века люди искусства и науки тоже не занимали столь высоко положения в обществе, как это было в середине XIX в.³⁶

Шестаков, находясь в США, посылал корреспонденции в «Морской сборник», который печатал его статьи под названием «Между делом». Живая картина американского общества накануне гражданской войны представляет собой несомненный интерес для историка. Автор воспоминаний с большой симпатией писал о деловитости и энергии американцев, поражался оперативностью различных государственных служб США. Итог своим американским впечатлениям он подвел следующими словами: «Всмотревшись, а особенно испытав на себе удобства видимой странности, беспристрастный наблюдатель согласится, что Европа — хорошо написанный систематический трактат, а Штаты — произведение, наполненное оригинальными мыслями, поражающими свежестью».³⁷

Несмотря на политическое образование, которое дали Шестакову его зарубежные поездки, он остался монархистом, хотя видел, что многие пороки российской системы исходят от единовластия царя. Автор воспоминаний не видел в России такой силы, которая могла бы разделить с царем власть или тем более взять

³⁵ Там же, с. 126 об.

³⁶ Там же, с. 23.

³⁷ Там же, ч. 3, с. 8 об.

полностью бразды правления в свои руки. Третье сословие он считал совершенно неподготовленным к какой-либо активной политической деятельности, а перспективу создания дворянского представительства считал нелепой, говоря, что среди российских дворян нет таких людей, которые могли бы составить палату лордов. Именно поэтому такой умный человек, как Шестаков, не идет далее мечтаний об упорядочении условий службы, чтобы на высокие посты в государственном аппарате не могли проникать недостойные этого люди.

Во время пребывания на посту морского министра Шестаков не проявлял открыто своих взглядов, которые не совпадали со взглядами сторонников реакционного курса, и в вопросах внутренней политики находился на позициях, сходных с позициями Д. А. Милютина. Он, как и военный министр, считал необходимым дальнейшее движение по пути реформ 60-х гг., порицал поворот в сторону реакции, резко критиковал неспособность царской администрации обеспечить нормальную работу государственного аппарата. То обстоятельство, что Шестаков получил пост министра при Александре III и оставался на нем до конца своих дней, объясняется личной симпатией монарха к резкому в суждениях и действиях адмиралу, а также стремлением Шестакова не вмешиваться в дела, не касающиеся непосредственно Морского ведомства. Ряд высказываний в седьмой части воспоминаний, а также записи в дневнике свидетельствуют о его симпатиях к деятелям либерального направления. Так, например, он назвал назначение реакционера Д. А. Толстого на пост министра внутренних дел в 1882 г. «вызовом, напрасно брошенным обществу»,³⁸ сожалел по поводу отставки А. А. Абазы, М. Т. Лорис-Меликова, Д. А. Милютина, с которыми его связывала давняя дружба, осуждал К. П. Победоносцева. Не случайно ходили слухи, что перед смертью Шестаков будто бы писал Александру III, что политика и ретроградные взгляды Победоносцева приносят вред России, и советовал отдалить его.³⁹

Мемуары Шестакова особенно ценны своим ярким изображением событий, происходивших сто с лишним лет назад. Это взгляд современника, к тому же человека, который прошел сложный и долгий путь от простого офицера до морского министра, изменение его восприятия окружающего мира не только в связи с повышением по службе, но и в связи с изменением в какой-то мере его политических взглядов.

Мемуары «Полвека обыкновенной жизни» дают исследователям богатый материал по истории внешней и внутренней политики России второй половины XIX в., так как в них нашли отражение такие события, как Крымская война, кризис 1863 г., реформы 60-х гг., русско-турецкая война 1877/78 г.

³⁸ Шестаков И. А. Дневник за 1882 год. — ОРИРК ГПБ, ф. 856, д. 12, л. 40.

³⁹ Богданович А. В. Три последних самодержца, с. 93.

Много интересного может найти для себя в записках бывшего морского министра исследователь в области истории военно-морских сил России. Это описание Балтийского и Черноморского флотов, характеристика лиц, стоявших у руля Морского министерства, изменения в системе управления, строительство первых паровых кораблей.

Особенностью мемуаров является обширная портретная галерея, выполненная с большим мастерством. Многие из представленных в ней лиц играли значительную роль в событиях середины прошлого столетия, поэтому данные им довольно объективные оценки вряд ли пройдут незамеченными исследователями.

Отличительной чертой воспоминаний является их критический характер, так как для оправдания своих поступков Шестаков от критики отдельных лиц, непосредственных противников, переходит к осуждению всей политической системы царской России. Нельзя не отметить также довольно высокий литературный уровень записок, благодаря которому читатель не только видит, но и чувствует эпоху.

Немалый интерес представляют мемуары для исследователей, занимающихся политической историей других стран, например США, Франции, Англии, Австро-Венгрии, Италии, Ближнего Востока, так как И. А. Шестаков подолгу жил и работал в этих странах, всегда внимательно следил за событиями в мире и свои наблюдения и размышления заносил на страницы дневника, а затем мемуаров.

Р. Ш. ГАНЕЛИН

К ИСТОРИИ ТЕКСТА ПЕТИЦИИ 9 ЯНВАРЯ 1905 г.

Петиция, с которой петербургские рабочие шли к Зимнему дворцу в день, вошедший в историю как «Кровавое воскресенье», с большой выразительностью воплотила в себе то указанное В. И. Лениным обстоятельство, что «из зубатовщины, как мелкого повода, выросло широкое, крупное, всероссийское революционное движение».¹ А в истории текста петиции, в нескольких вариантах этого документа, отразились различные стадии с необыкновенной стремительностью развивавшегося необратимого процесса созревания пролетарского революционного сознания, классового и общеполитического, — процесса, который царские власти не сумели разглядеть под причудливой оболочкой гапоновщины.

Специально изучавший петицию А. А. Шилов² установил четыре этапа в истории ее текста. Первым из них он предложил

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 9, с. 211.

² Шилов А. А. К документальной истории «петиции» 9 января 1905 г. — Красная летопись, 1925, № 2 (13), с. 19—36.